

3 Пачынальнікі : з гіст.-літар. матэрыялаў XIX ст. / уклад. Г. В. Кісялёў; рэд. В. В. Барысенка, А. І. Мальдзіс. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 549 с.

4 Хаўстовіч, М. Айчына здалёку і зблізка: Ігнацы Яцкоўскі і Аляксандар Рыпінскі / М. Хаўстовіч. – Мінск, 2006. – 280 с.

5 Podania białoruskie / zebrane przez W. Weryhę ; poprzedzone wstępem przez J. Karłowicza. – Lwów : Drukarnia polska, 1889. – 77 s.

The article reveals the reasons for the ban on the use of the Latin alphabet in Belarusian publications of the 19th century. The main features of the Belarusian Latin alphabet are considered, trends towards its gradual modification are shown.

УДК 811.581'42'25'373.231:821.581-1*Ли Бо:821.581-1*Ду Фу

В. И. КОВАЛЬ

г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

О ЖЕНСКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕНАХ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ЛИ БО И ДУ ФУ

В статье рассматриваются поэтические тексты китайских поэтов Ли Бо и Ду Фу, содержащие прецедентные женские имена, которые восходят к мифологическим или реальным персонажам. Приводятся внеязыковые сведения, относящиеся к жизнеописанию женщин, оставивших глубокий след в исторической памяти китайцев. Отмечается закономерность включения в поэтические тексты прецедентных женских имен, ставших символами как негативных, так и позитивно оцениваемых характеров.

К прецедентным именам собственным, употреблённым в художественных текстах, относят онимы, которые не только являются средством номинации, но и выполняют «функцию отсылки к известному культурному феномену» [6, с. 140], поскольку они «входят в фонд исторической памяти этноса» [4, с. 71]. Важнейшим критерием выявления прецедентных онимов является их широкая и устойчивая известность среди носителей определённой лингвокультуры. Активное использование подобного рода онимов в китайских художественных текстах (в первую очередь – имён мифических персонажей, реальных и легендарных императоров, военачальников, поэтов, а также культурных героев) объясняется общеизвестной ориентированностью китайцев на богатейшую историю и культуру своей цивилизации, их трепетное отношение к духовному наследию предков.

Остановимся на краткой характеристике использования женских прецедентных имен в переводных поэтических текстах выдающихся китайских поэтов эпохи Тан (VII – X вв.) – Ли Бо и Ду Фу (переводчик – А. И. Гитович).

Одним из «сквозных» образов поэтического творчества Ли Бо является одухотворяемый им образ Луны: с ночным светилом поэт общается, заморожено любясь волшебным лунным светом, в его воображении вместе с Луной можно танцевать и пить вино. Согласно известной легенде, Луна мистическим образом «забрала» поэта к себе: Ли Бо утонул в реке, пытаясь в состоянии опьянения поймать ее отражение в воде, после чего вознёсся в ночное небо.

В стихотворении «С кубком в руке вопрошаю луну» Ли Бо рассуждает о Луне как о символе вечности, неизменности природы, на фоне которой человеческая жизнь представляется ему краткой и преходящей. Особую философскую глубину и подлинный драматизм придает этому стихотворению обращение к образу легендарной богини Луны – Чан Э: *Ты увидишь, как восходит луна / На закате, в вечерний час. / А придёт рассвет – заметишь ты, /*

*Что уже её свет погас. / Белый заяц на ней лекарство толчёт, / И сменяет зиму весна.
И Чан Э в одиночестве там живет – / И вечно так жить должна.*

Легенда о Чан Э, в вечном одиночестве живущей на Луне, является частью мифа о её муже, искусном стрелке (так же, как и она, небожителе) Хоу И, который во времена императора Яо избавил людей от губительного солнечного зноя, «расстреляв» из лука девять солнц, которые постоянно находились на небе. Однако небесный правитель Ди-цзюнь не простил стрелку Хоу И гибели солнц и в наказание изгнал его из сонма небесных божеств, превратив небожителя в простого смертного. Его жена Чан Э, также перестав быть божеством, уже не могла, как и Хоу И, вернуться на небо и быть бессмертной, из-за чего она часто обижалась на мужа и упрекала его. В поисках выхода из сложившейся ситуации Хоу И отправился на запад и, преодолев многочисленные препятствия, встретил в горах Куньлунь богиню Си Ванму – хранительницу эликсира бессмертия. Богиня, проявив сочувствие к мужеству и самоотверженности стрелка Хоу И, вручила ему снадобье бессмертия со словами: «Этого достаточно, чтобы вам с женой получить бессмертие. Если всё содержимое выпьет один человек, то он сможет вознестись на небо и стать божеством. Если его выпьют два человека, то они станут бессмертными на земле» [8, с. 157]. Чан Э, которая в отличие от стрелка мечтала снова стать бессмертной небожительницей, тайком от мужа выпила лекарство, после чего улетела на Луну. В результате она обрела бессмертие, но оказалась наказанной за свой проступок вечным одиночеством. Согласно другим вариантам этой легенды, поселившаяся в лунном дворце красавица Чан Э превратилась в трехлапую жабу.

Явным антиподом эгоистичной Чан Э может быть названа красавица Ло Фу, имя которой упоминается в стихотворении Ли Бо «Цзые весенняя»: *Кто у нас не слышал / О красавице нежной Ло Фу? Как однажды она / Обрывала с деревьев листву?*

Словом *цзые* в китайской культуре обозначается в данном случае особый песенный жанр, в основу которого положены народно-песенные мотивы. Особую образно-смысловую нагрузку выполняет в заглавии названного стихотворения прилагательное *весенняя*, устойчиво ассоциирующееся в традиционной культуре китайцев с любовно-эротической сферой. Как отмечает А. И. Кобзев, «значение ‘чувственный, любовный, страстный’ иероглиф 春 (чунь – ‘весна / весенний’) имел уже в древнейших литературных памятниках, а с середины I тысячелетия н. э. стал употребляться и в значении ‘эротика, похоть, непристойность’» [3, с. 846]. Вместе с тем образ Ло Фу в стихотворении «Цзые весенняя» ничего общего не имеет с непристойностью, напротив, он является символом женской порядочности и чистоты. Сюжет этого небольшого стихотворения, в основу которого положено содержание древней поэмы «Туты на меже», может быть представлен в следующем виде: красавица Ло Фу, обрывающая листья тутовника, решительно отвергает предложение о сожительстве проезжавшего мимо знатного вельможи и заявляет о верности мужу: *Сударь! Незачем тут / Останавливать быстрых коней – / Мне пора уходить, / Накормить шелковичных червей.* Вместе с тем следует отметить, что использованное в рассматриваемом стихотворении выражение *накормить шелковичных червей* может восприниматься двояко. С одной стороны, оно называет конкретное чисто женское занятие – сбор листьев тутовника (шелковицы), которыми питаются шелковичные черви. С другой стороны, это словосочетание вполне может включать в себе определенный эротический подтекст, поскольку в китайском языке «устойчивое выражение 棹堪 (*цзи цань*) – кормить шелковичных червей – является эвфемизмом недозволенной любви» [1, с. 700]; к тому же «выражение *встреча / дела среди тутовников* превратилось в метафору любовных приключений» [1, с. 390].

Современник Ли Бо – поэт Ду Фу – в «Стихах о женщинах, собирающих хворост» с любовью и сочувствием к простым крестьянкам изображает повседневные заботы женщин, живущих в уезде Куйчжоу провинции Сычуань: *Здесь, в Куйчжоу, девушкам не сладко: / Волосы у них седеют рано. / Ни семьи, ни мужа, ни порядка. / В сорок лет – лишь горе, без обмана!; Женщины уходят спозаранку / В лес или в горы, повязав косынки, / Чтобы хворосту собрав вязанку, / За гроши продать ее на рынке.* Финал этого стихотворения звучит, однако, вполне оптимистично, поскольку поэт напоминает своим землякам, что в уезде Куйчжоу родилась замечательная девушка, которой по праву гордятся китайцы: *Но поверьте, что*

в уезде нашем / Не рождается дитя уродом:/ Ведь была прелестней всех и краше / Чжао Цзюнь. Она отсюда родом.

Чжао Цзюнь в сознании китайцев является воплощением не только красоты (она считается второй по значимости среди четырех китайских красавиц), но и честности, достоинства и патриотизма. Судьба Чжао Цзюнь довольно необычна: в 15-летнем возрасте её, получившую прекрасное для своего времени (династия Западная Хань, 202 г. до н. э. – 220 г. н. э.) образование и воспитание, представили в числе других красавиц ко двору императора. Девушка осознанно не дала взятки придворному художнику, который в отместку нарисовал её очень непривлекательной, из-за чего император, судивший о претендентках в наложницы по их портретам, отдал её в жены вождю кочевников-гуннов. Находясь вдали от родины, Чжао Цзюнь приобщалась к чужой для нее культуре и в то же время сама распространяла традиции и обычаи ханьцев, способствуя тем самым укреплению дружественных межнациональных отношений.

Имя одной из «классических» красавиц древнего Китая – Си Ши, – жившей в Период Весны и Осени (V в. до н. э.) в царстве Юэ, упоминается в небольшом стихотворении Ли Бо «Импровизация о хмельной красоте князя У-вана». На первый взгляд, эти стихи, написанные в непринуждённо-игривой манере, представляют собой пример «вакхического» текста, воспевающего любовь, вино и веселье: *Ветерок шелестит, над ночными ветвями струясь. / На террасе Гусу веселится подвыпивший князь. / А красotka Си Ши танцевать попыталась, хмельная, / Но уже засмеялась, На ложе из яшмы склоняясь.* В действительности же в стихах изображается лишь внешняя сторона поведения красавицы Си Ши, совершившей подлинно героический, самоотверженный поступок.

Согласно преданию, Гоу Цзянь, правитель княжества Юэ, был побежден Фу Чаем – князем удела У, после чего Юэ вошло в состав княжества У. Князь Гоу Цзянь, зная о небезразличии Фу Чаю к прекрасному полу, решил в качестве дани подарить ему одну из своих наложниц – Си Ши, – обладавшую не только неотразимой красотой, но и высоко ценившимися в древнем Китае искусствами поэзии, песни и танца. Си Ши сознательно пожертвовала личным счастьем ради спасения родины. Очарованный ее красотой и великолепными манерами, Фу Чай перестал заниматься государственными делами и проводил время в развлечениях и любовных утехах с полубившейся ему девушкой. Именно об этом периоде жизни Си Ши, выполнявшей свое специфическое «секретное задание», идет речь в упомянутом стихотворении Ли Бо. Вскоре царство У пришло в полный упадок, и войска князя Юэ одержали победу над княжеством У. Таким образом, благодаря красоте Си Ши – женщины-патриотки – было разрушено враждебное княжество У и спасена ее родина – княжество Юэ.

Имя Си Ши в культуре Китая приобрело, кроме того, нарицательное, символическое значение – ‘любимая женщина, затмевающая своей красотой всех конкуренток’. Так, в одной из старинных китайских повестей рассказывается о любвеобильном князе, который велел своим слугам привести в качестве наложницы понравившуюся ему жене лепешечника. В следующем фрагменте из повести «Сон госпожи Ци о черепахе, предсказавшей ее судьбу» обращает на себя внимание использование пословицы, в состав которой входит прецедентное имя Си Ши: *С тех пор как жена лепешечника оказалась в доме князя, он дни и ночи проводил с ней в любовных утехах. Соблазнительные, изящные и нежные красавицы, которыми полон был его дом, значили для него теперь не больше, чем ничтожные пылинки. Верно говорят: в глазах влюблённого любимая его затмила красотой Си Ши* [5, с. 619].

Стихотворение Ли Бо «Песня обиженной красавицы» написано в форме монолога наложницы императора, пережившей на пике своего расцвета низвержение и горькую обиду. Вначале героиня с восторгом вспоминает безмятежную и счастливую жизнь в ханьском дворце: *Когда я входила в ханьский дворец, / Мне было пятнадцать лет – / И молодое мое лицо / Сияло, как маков цвет. / И восхищался мной государь – / Яшмовой красотой, / Когда я прислуживала ему / За ширмою золотой./ Когда я сбрасывала в ночи / Пену одежд своих, / Он обнимал меня, государь, / Словно весенний вихрь.*

Вторая часть стихотворения представляет собой резкий контраст, поскольку в жизни девушки наступила «черная полоса» (очевидно, из-за дворцовых интриг соперниц), наполнившая её жизнь пустотой и отчаянием. В ее картине мира произошла «смена полюсов», вследствие чего стихотворение изобилует негативно оценочной лексикой: *ненависть, брань, печаль, горести, душевный холод, тоска, смятение*.

Роль «связующего звена» между двумя противопоставленными частями стихотворения Ли Бо «Песня обиженной красавицы» выполняют двуступище, в которой упоминается известная китайская красавица Чжао Фэйянь: *И разве могла я думать тогда / О женщине Чжао Фэй-янь?* Упоминание поэтом этого имени в данном случае глубоко закономерно, поскольку судьба жившей в эпоху Хань танцовщицы, а впоследствии императрицы Чжао Фэйянь не просто печальна, но и по-настоящему трагична. Красота девушки была неотразима, а ее походка и движения были столь грациозны, что она обратила на себя внимание императора Чэн-ди, который взял ее в наложницы. «Она обладала стройной и гибкой фигурой, ее движения были грациозны и легки, а когда она танцевала, то была так изящна, что ее стали называть Фэйянь – Летящей ласточкой» [7, с. 37]. С течением времени Чжао Фэйянь не только затмила других обительниц гарема Чэн-ди, но и стала императрицей. Однако после смерти императора Чжао Фэйянь была подвергнута оговорам и гонениям, и, не выдержав атмосферы дворцовых интриг, инициированных женой нового императора, она покончила жизнь самоубийством.

Совершенно очевидно, что без обращения к «фоновым» знаниям, связанным с прецедентными именами собственными традиционной духовной культуры Китая, невозможно проведение методически грамотных занятий по изучению китайского языка в русскоязычной аудитории, прежде всего – на продвинутом этапе.

Список использованной литературы

1 Алимов, И. А. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза : в 2 ч. / И. А. Алимов, М. Е. Кравцова – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2014. – Ч. 1. – 704 с.

2 Воропаев, Н. Н. Структурно-семантические особенности прецедентных имен в китайскоязычном дискурсе / Н. Н. Воропаев // Вестник РУДН. – Серия Лингвистика. – 2011. – № 2. – С. 109–118.

3 Кобзев, А. И. Чунь хуа / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. + доп. том / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока РАН. Т. 6 (дополнительный) : Искусство / ред. М. Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2010. – С. 846–851.

4 Ленинцева, В. А. Прецедентные имена китайской национальной культуры / В. А. Ленинцева, Т. Н. Бурукина // Вестник РУДН. – Серия Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 70–89.

5 Сон госпожи Ци о черепахе, предсказавшей ее судьбу // Жемчужная рубашка: Старинные китайские повести / Составл., предисл. И. Э. Циперович. Пер. с кит. и коммент. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. – СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – С. 618–650.

6 Фомин А. А. Прецедентные онимы в художественном тексте / А. А. Фомин // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / [Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; под ред. М.Э. Рут]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – Вып. 4. – С. 139–148.

7 Чжан, Мэн. Образ красивой женщины в китайских фразеологизмах / Мэн Чжан // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2016. – Вып. 181. – С. 35–39.

8 Юань, Кэ. Мифы древнего Китая. 2-е изд. / Кэ Юань. – М. : Наука, 1987. – 527 с.

The article examines the poetic texts of the Chinese poets Li Bo and Du Fu, containing precedent female names that go back to mythological or real characters. Non-linguistic information related to the biography of women who have left a deep mark in the historical memory of the Chinese is given. The regularity of the inclusion of precedent female names in poetic texts, which have become symbols of both negative and positively evaluated characters, is noted.